

МЕТАФОРИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

(Э. П. Будаев, А. П. Чудинов. *Метафора в политическом интердискурсе.*
— Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. — 206 с.)

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

После ряда работ, вызвавших неподдельный интерес среди специалистов, А. П. Чудинов предлагает читателю несколько неожиданное исследование в области политического дискурса. Неожиданным это исследование является потому, что в этой книге, которую А. П. Чудинов подготовил совместно со своим учеником, последовательно раскрываются все этапы теоретического и практического анализа избранного объекта, в том числе и те, которые традиционно остаются за рамками публикаций. И именно они представляются наиболее интересными со всех точек зрения, поскольку позволяют проследить не только логику авторов, но и выявить диалектику универсального и специфического в политическом дискурсе, с одной стороны, и в способах концептуализации и категоризации действительности в зависимости от целого ряда дискурсивных факторов, с другой.

Книга содержит четыре главы: первую под названием “Истоки современной теории политической метафоры”, с. 14—37, вторую “Методология исследования политической метафоры”, с. 38—77, третью “Дискурсивное исследование политической метафоры”, с. 78—115, четвертую “Когнитивные и семантические аспекты исследования политической метафоры”, с. 116—145. В книге имеются также краткое предисловие, введение, заключение, солидный библиографический список, насчитывающий 576 источников на разных языках, а также четыре приложения.

Именно с них хочется начать знакомство читателя с книгой А. П. Чудинова и Э. В. Будаева.

Эти приложения являются неотъемлемой частью проведенного исследования и представляют в сжатом виде все значимые результаты исследования и делают прозрачной логику авторов. Каждое из приложений концентрируется на организации эмпирического материала по политико-географическому принципу: исследования политической метафоры в России и в ее ближнем зарубежье (приложение 1),

в Центральной и Западной Европе (приложение 2), в Северной Америке (приложение 3), в Азии, Африке, Океании и Южной Америке (приложение 4).

Результаты проведенного анализа оформлены в виде таблицы со следующими рубриками: по вертикали в первой колонке перечисляются в алфавитном порядке авторы проанализированных исследований, называется год издания и его жанр. Указанная информация позволяет будущим исследователям политического дискурса легко войти в курс дела и сконцентрироваться на каком-либо одном аспекте его изучения.

По горизонтали в таблице имеются такие колонки: национальный дискурс, методы, сферы-источники, сферы-мишени, источники. В последнем случае имеются в виду источники эмпирического материала, причем они предельно конкретизированы; например, “СМИ период “перестройки” до 1994 г.”, “газеты 950 текстов, 4120 метафор, 2000 г.”, “СМИ 2000—2005”, “официальные выступления политиков, 800 текстов, 1640 метафор, 1992—2003 гг.”, “интернет” “мемуары Б. Н. Ельцина, Б. Немцова, А. Лебеда, Ю. Скуратова” и др.

Такая организация материала позволяет сделать ход исследования максимально прозрачным и убедить читателя в том, насколько обширной является функциональная сфера политической метафоры, насколько глубокой и сильной — ее влияние на носителей соответствующей культуры, насколько важный когнитивный механизм она представляет собой.

Одновременно материалы приложения убедительно демонстрируют предпочтения исследователей политического дискурса в зависимости от традиций той или иной научной школы, особенности актуального момента, в который проводится исследование, а также характер обсуждаемой в лингвистике проблематики.

О надежности полученных обобщений свидетельствует также и широта охвата источников эмпирии. Так, в первом приложении обобщенно представлен результат анализа 60 разножанровых

исследований различных видов политического дискурса, имеющего отношение к России и ее ближнему зарубежью. Во втором приложении таких исследований 54, в третьем — 40, в четвертом — 11 с соответствующей, названной выше, политической географией.

По этой причине я бы начинала чтение книги именно с анализа приложений, поскольку при таком подходе ход рассуждений авторов становится более понятным, а обобщения представляются более значимыми.

Важной составной частью исследования являются таблицы, в которых последовательно обобщаются результаты не только практического, но и теоретического анализа. Так, таблица 1, с. 61, представляет структуру методологии исследования метафоры, сводя воедино базисные методы и основные подходы к анализу метафоры: риторический, структурно-стилистический, с его вниманием к языковой онтологии метафоры, и когнитивный, с его интересом к ментальной онтологии метафоры. Таблица 3, с. 86—87, информирует о доминировании сопоставительных или несопоставительных исследований в каждом из анализируемых мегарегионов а также о характере (гомогенном или/и гетерогенном) объектов исследования. Таблица 4, с. 92, устанавливает корреляцию между источниками политической метафоры (в зависимости от вида и типа дискурса) и характером анализируемого мегарегиона. В таблице 5, с. 101, авторы представляют политическую метафору в историческом дискурсе, а в таблице 6, с. 104, — в личностном. Таблица 7, с. 127, дает более детальное представление о ведущих сферах-мишенях в трех исследуемых мегарегионах.

Для специалиста сведения, организованным таким образом, представляют особую ценность, поскольку они, с одной стороны, позволяют выявить особенность авторского видения изучаемой проблемы и, с другой стороны, внимательно следить за ходом рассуждений авторов на каждом из этапов исследования. Таким образом, каждый этап анализа показывает, каков вклад авторов в разработку теории метафоры, что обобщено в том числе и при подведении итогов анализа в конце каждой главы в форме ясных тезисов-выводов.

Диаграммы (с. 75, с. 121) удачно дополняют ход рассуждений и дают понять, какой метод исследования в каком из анализируемых регионов доминирует, какие сферы-источники метафорической экспансии преобладают в анализируемых мегарегионах.

Очень информативным является заключение, которое, давая четкое представление о замысле книги, о его логике изложения, а также о его основных результатах, раскрывают позицию авторов относительно многих вопросов, значимых в теории политического дискурса. Для специалистов представляет интерес знакомство с чертами “фамильного” сходства для трех, по выражению авторов, мегарегиональных научных объединений: Североамериканское, Восточноевропейское (постсоветское) и Европейское: см. подробнее с. 148—149. При обобщенной характеристике выделенных направлений авторы высказываются относительно доминирующего направления исследования, наиболее часто используемого метода анализа, вида политического дискурса, который чаще всего попадает в фокус исследовательского интереса, а также относительно временного пласта, привлекаемого в качестве среды бытования изучаемых политических метафор.

Характер организации материала, а также форма обобщения полученных результатов позволяют с доверием отнестись к наиболее общим заключениям, к которым авторы пришли в ходе своего исследования: “11. В использовании современной политической метафоры сложился своего рода глобальный интердискурс, в рамках которого политическую коммуникацию самых различных государств объединяет значительное число однотипных метафорических моделей, способствующих сближению национальных картин мира, форм категоризации и концептуализации политической реальности.

12. Национальные особенности политической метафоры связаны преимущественно не с характером используемых метафорических моделей, а с их частотностью и прагматической нагруженностью, а также с различной фреймовой организацией этих моделей и их концептуальной организованностью. Все это, разумеется, не опровергает основополагающего положения о соответствии метафорической картины мира национальной ментальности и культурным традициям соответствующего народа” (с. 149).

Хотелось бы обратить особое внимание на стиль изложения. Язык рассуждений ясный, логика изложения прозрачна и последовательна, что позволяет рекомендовать рецензируемое издание в качестве обобщающего источника теоретических сведений для всех тех, кто только начинает изучение политического дискурса.

Следует упомянуть еще одну особенность рецензируемого издания: в нем детально представ-

лены результаты исследований екатеринбургской школы политического дискурса, что однако не означает пренебрежение данными, полученными другими исследовательскими направлениями. и лингвистическими школами

Политический дискурс стал сегодня одним из излюбленных объектов приложения исследовательского интереса. Естественно, что относительно политического дискурса как объекта лингвистического исследования существуют разные точки зрения, особенно это касается тех тематических сфер-источников эмпирического материала, которые остро дискуссионны в том или ином обществе, а также тех сфер функционирования политической метафоры, которые наиболее близки в определенном отношении как читателю, так и исследователю. Здесь их обоих поджидает значительное количество опасностей, вызванных особенностями восприятия сведений, их интерпретативным опытом, а

также способностью различать “наивное” отношение к фактам политического дискурса и результаты анализа политического дискурса, способностью разводить частное и общее, видеть диалектику культурно специфического и универсального. Книга Э. В. Будаева и А. П. Чудинова — убедительное свидетельство того, что соответствующие опасности можно избежать или даже профилировать нежелательные последствия от их воздействия.

Результаты сопоставления поистине огромного эмпирического материала доказывают, что политическая метафора — зеркало, в котором отражается мир, а на зеркало, как известно, пенять не стоит. Внимательное изучение результатов проведенного авторами исследования ставит человеческому обществу неутешительный диагноз: практически по всех трех анализируемых мегарегионах война является абсолютно доминирующей сферой-источником метафорической экспансии, за которым следуют зрелища, спорт, игра, а также болезнь.